



## Записки генерала Каховскаго о походѣ во Францію въ 1814 году <sup>1)</sup>.

*Г. Васси 19 Января.*

Въ предположеніи подраться сегодня, спалъ и хорошо и дурно, утромъ велѣлъ сѣдлатъ лошадей, пошелъ къ графу и узналъ, что Иловайскій, 12-го атаковавъ ночью непріятеля врасплохъ, хватски гналъ его до Васси и наконецъ занялъ этотъ городъ съ одними своими казаками;—это остановило сегодняшнюю атаку и графъ рѣшившись перенести сюда главную свою квартиру, обѣдалъ въ Жоанвиллѣ;—Горкъ вчера порядкомъ пораздѣлался съ пріятелями, занялъ Сентъ-Дизіеръ, отнялъ одну пушку и много плѣнныхъ; а сегодня намѣренъ былъ занять Витри и выждать Макдональда, которой съ корпусомъ, состоящимъ изъ 20.000, проходить долженъ на соединеніе съ Наполеономъ, а нашъ Винценгероде идетъ по слѣдамъ его; должно ожидать, что выйдетъ порядочное дѣльцо; между тѣмъ должно замѣтить, какъ обрадовались хозяева наши при рассказѣ моемъ объ этихъ подвигахъ, господинъ Дессе и его супруга—наши хозяева, можно сказать, прыгали отъ радости;—сегодня хозяинъ обѣдалъ съ нами, поѣли и попили хорошо, графъ скоро послѣ обѣда уѣхалъ верхомъ и мы за нимъ,—бѣдная моя сѣрая кобыла, до сихъ поръ не выздоровѣла отъ укушенія, и нельзя было ѣхать, осѣдлалъ гнѣдую кобылу и на ней путешествовалъ, поблагодаривъ хозяевъ за ихъ доброе угощеніе; погода во весь день была пренесносная, вдругъ солнце, вдругъ дождь, вдругъ по-

<sup>1)</sup> См. „Русская Старина“, февраль 1914 г.

томъ крупа и вѣтеръ пренесносной, верхомъ было ѣхать ужасно досадно 3-и лье досюда,—городъ этотъ растянуть, но кажется, не очень великъ, моя квартира у старика капитана жандармовъ Блюменрее кажется изрядной, на каминѣ огонь и мы всѣ у камина.—Ходилъ къ графу, пили у него чай и читали прокламацію Виктора, здѣсь выданную, гдѣ онъ вызываетъ всѣхъ жителей къ ружью и которую сами жители принесли для показу.

*Городъ Сентъ-Дизье 20-го января.*

Славъ хорошо, проснулся сегодня очень рано, развелъ огонь въ каминѣ и со свѣчою разбудилъ всѣхъ;—полагая, что по вчерашнему назначенію графа мы сегодня будемъ днествовать, утромъ писалъ списокъ къ прусскимъ награжденіямъ и носилъ къ графу, но у него уже запрягали лошадей и онъ получилъ повелѣніе соединиться съ Йоркомъ, почему и перешли въ этотъ городъ; сегодня, говорилъ графъ, должна быть генеральная атака на всѣхъ пунктахъ, и Богъ знаетъ чѣмъ кончилось, нашъ гр. Паленъ спасъ всю армію Блюхера, взялъ 6 пушекъ, знамя и разрушилъ всѣ планы Наполеоновы—передъ самымъ обѣдомъ, благодаря милосердаго Бога получилъ письмо изъ дому отъ 29-го ноября, не знаю какой-то дуракъ вмѣстѣ съ моимъ петербургскимъ Григоріемъ увѣрилъ ихъ, что я произведенъ въ генералы, и они праздновали четыре дни, досадно это, но пусть Богъ наградитъ милую, безцѣнную мою матушку за неограниченную любовь ея, не могъ читать безъ слезъ и послѣ кусокъ не пошелъ въ ротъ; Боже, благоволи увидѣть мнѣ моихъ родителей и лично вкусить удовольствіе радости семейственной. Отъ этого сѣлъ верхомъ на „Мальчика“ и доѣхалъ сюда 4-е лье, Йоркъ недавно отсюда выступилъ къ Витри, которой укрѣпленъ и которой намъ должно будетъ брать; былъ у графа, онъ еще не знаетъ, что дѣлать будемъ завтра. Хотѣлъ писать домой сегодня же, но забалагурились да и не знаю, что еще выйдетъ. Хозяинъ здѣшній какой-то математикъ и долженъ быть большая шельма, накормилъ не завидно и даже подушекъ не хотѣлъ дать, бравши требованія отъ насъ даже на говядину. Графъ приказалъ сегодня объявлять приказъ за Дрезденъ о награжденіяхъ, которыя отъ него зависятъ, и тамъ цѣлый день въ Васси и здѣсь этимъ занимался, но типографія до сихъ не прибыла; радъ душевно, что Васси вышло 2 Анны;—Кривскому тоже, и мы за завтракомъ поздравили его бутылкою шампанскаго.

*Сентъ-Дизъе 21-ю января.*

Сегодня продиевали, утромъ благодаря Бога получили увѣдомленіе, что Блюхеръ съ частію войскъ Вреде разбилъ вчера Наполеона, взялъ 41 пушку и нѣсколько тысячъ плѣнныхъ. дѣло продолжалось и сегодня весь день, непріятель ретируется и чѣмъ-то Богъ обрящетъ; въ Витри Макдональдъ съ 4-мя или пятью тысячами, вотъ его армія; Государь нашъ и король Прусскій были тоже въ дѣлѣ. Весь день пришедши отъ графа, съ которымъ ходили смотрѣть здѣшнюю церкву, старинную большую, но лишенную всѣхъ богатствъ революціею, сидѣлъ дома, хотѣлъ писать домой, но послѣ рѣшился обождать, авось что выйдетъ лучшее. Вечеромъ писалъ къ Гаранту и сейчасъ отправилъ съ фельдъегеремъ въ Раштатъ.

*Монтъеранде 22-ю января.*

Ночь была прехолодная, получили увѣдомленіе, что третьяго дня взяли наши 97 пушекъ и до 3-хъ тысячъ плѣнныхъ; намъ велѣно оставить Йорка у Витри, а самимъ идти чрезъ этотъ городокъ и обходить непріятеля въ тылъ; позавтракавъ или пообѣдавъ въ 11-ть часовъ, пустился верхомъ въ походъ; поблагодаривъ г-на Бленъ-де-Ейли, великаго математика, у котораго домъ огромной, комнатъ много, а ѣсть очень плохо;— дороги сегодняшней отъ повороту съ шоссе нельзя и описать, грязь выше ступицы и во многихъ мѣстахъ даже верхомъ нельзя было проѣхать, самъ удивляюсь, какъ Богъ пронесъ мою коляску и ящикъ, погода же къ тому предурная и насилу добрались до квартиръ; городокъ этотъ небольшой, но квартира моя у старушки, мадамъ Перне изрядная—о холодъ говорить нечего, двѣ изрядныя комнаты порознь, эти каминны, я боюсь, такое посѣятъ въ насъ отвращеніе къ себѣ, что дома и завозить ихъ не захочешь. Графъ здѣсь получилъ курьера отъ Барклая съ увѣдомленіемъ, что взято 80 пушекъ и до 6-ти тысячъ въ плѣнъ, непріятель бѣжитъ и всѣ преслѣдуютъ, намъ велѣно соединиться съ резервомъ, то есть съ гвардіею и потому идемъ на трое, пишутъ, что Наполеонъ—злодѣй крѣпко разбить и что хотятъ уже обнародовать Бурбона королемъ Франціи; Боже благослови, народъ радъ этому до безконечности и ожидаетъ съ натерпѣніемъ, а мы ожидаемъ вступленія въ Парижъ, миру, и молимъ Бога о истребленіи этого бича роду человѣческаго.



Завтра намъ большой маршъ и 3 лье должно идти по такой же дурной дорогѣ, какъ сегодня сдѣлали пять, такъ выйдя у Бриена и увидимъ картину пораженія. Пріѣхалъ Брежинскій съ Яхонтовымъ. Я сушусь и скоро ужинъ.

*Дер. Роме 23-ю января.*

Ну денекъ сегодня, утромъ сходявъ къ графу, которой ѣхалъ верхомъ, и выправившись Богъ знаетъ какъ проползли по грязи выше колѣна, скоро по выѣздѣ нагнали Гельфрейха и съ нимъ довольно долго ѣхали, въ первой деревнѣ выпили водки у Брежинскаго, и оттуда я ихъ уже потерялъ; ѣхали три лье дурной дороги, гораздо худшей вчерашней, и еще двѣ до Бриена по большой, но однакожь испорченной Наполеоновою арміею;—подъѣзжая къ Бриену, обѣ стороны дороги и поля усеяны трупами несчастныхъ жертвъ варварства Наполеонова; городъ сожженъ и разграбленъ и замокъ, стоящій на прекраснѣйшей высотѣ, командующей всѣми окрестностями, также ограбленъ, въ этомъ замкѣ Буонапарте былъ воспитанъ въ здѣшней военной школѣ по привозѣ его изъ Корсики и здѣсь то онъ потерялъ, можетъ быть, послѣднія баталіи въ жизни; здѣсь уже никого не нашли, въ замкѣ стоялъ генералъ гр. Вреде, которой вчера получилъ за послѣднее дѣло 2-го Георгія; графъ у него обѣдалъ, но мнѣ не захотѣлось толкаться и поѣхалъ прямо сюда въ новоназначенную квартиру вмѣсто Лемона, которой сожженъ; замокъ разграбленъ баварцами и всѣ прекрасныя кабинеты натуральной исторіи, минеральной и прочіе; жаль, что мнѣ и посмотрѣть не удалось; Козловъ и Паттонъ подарили мнѣ однакожь по раковинкѣ. Здѣсь стояли баварцы и все-таки ограбили какъ французы грабили насъ. квартиръ некому было занимать, и баварскія войска при насъ выступили и славныя, жаль, что они такъ дурно ведутъ себя. Получили увѣдомленіе, что Наполеонъ собираетъ разбитыя свои войска у Троя, Блюхеръ пошелъ прямо на Парижъ и даже говорятъ, что уже есть депутація у Государя отъ Парижа, мы идемъ на Аренсъ и будемъ обходить французскую армію, которая, кажется, уже оставляетъ свою столицу. Боже, помоги и избавь насъ отъ такой дороги, какъ сегодня, а завтра опять проселкомъ.

*Пине 24-ю января.*

Эти проклятыя камни и негодная Франція, ей! ей! истинныя биваки,—сегодня я такъ прозябъ ночью, хотя вовсе и не

раздѣвался и огонь не переставалъ горѣть въ каминѣ, утромъ проснувшись рано, не могъ согрѣться, думали, что пойдѣмъ въ Рамерсъ, но дирекцію перемѣнили и Шварценбергъ предписалъ идти сюда; позавтракавъ немножко пустились верхомъ и пѣшкомъ, опять прошли Бриенъ, закусили еще немножко въ деревнѣ съ Акличевымъ и другими нашей свиты; отъ самаго Бриена своротили съ большой дороги и уже не дорогою, но полями и болотами добирались сюда и 6-ть лье насыла сдѣлали до 6-го часу вечера; не знаю, какъ Богъ милуетъ мою коляску и лошадей, а такой одинъ переходъ стоитъ 3-хъ добрыхъ;— Пине миленькій городокъ и разграбленъ нашими союзниками, однакожъ мнѣ по счастью досталась квартира съ хозяевами, и вотъ вечеромъ накормили по силамъ, а мы поподчивали ихъ пуншикомъ. Теперь до Тросе 4-е лье, сегодня слышна была весь день канонада, и говорятъ, непріятель прогнанъ, куда же намъ завтра—еще неизвѣстно. Здѣшнія деревни совершенно бѣдныя и безъ войны, домики маленькіе и какъ клѣтки, о, какъ равняютъ Францію съ Германією. Все не удастся написать домой; ахъ, когда бы вмѣстѣ увѣдомить ихъ и о мирѣ.

*Дер. Шармонъ 25-го января.*

Вчера было досадно отъ холоду въ Пине: но тамъ хоть комната была изрядненькая да и хозяйева, не взирая на то, что уже разграблены, люди очень добрые, покормили, послѣ дали кой-какую постель и сегодня честно разстались, даже желали, чтобы мы простояли до самаго миру; здѣсь же пренегодная крестьянская избенка, двери прямо съ двора, у хозяевъ ничего нѣтъ, и мы всѣ обѣли кругомъ камина. Да чуть-ли и ночь всю не просидѣть отъ холода. Утромъ былъ рано у графа, просилъ объ увольненіи Яхонтова въ Россію, и слава Богу успѣлъ; пообѣдавъ въ Пине, пустились въ путь по-вчерашнему, только погода холодная, помилуй Богъ, морозу нѣтъ, но вѣтеръ ужасной и почти нельзя было сидѣть на лошади, три лье показались за десять и на дорогѣ только была одна деревенька, негдѣ пообогрѣться, сюда же пріѣхавъ по несчастью и квартиры не нашелъ, другъ у друга отнимали и мою отняли Акличеву, дали было вмѣстѣ съ Теслевымъ, но помѣститься нельзя и такъ проходивъ часа три съ квартирмейстеромъ по деревнѣ, остановились въ первой незанятой изобкѣ. Теперь выпили съ горя по стаканчику, побалагурили у бивакаками—и вздохнувъ о милой родинѣ, о друзьяхъ и родныхъ

отдаленныхъ, взялись съ Густавомъ за свои журналы; право, въ этихъ квартирахъ во Франціи закоптысь во всегдашнемъ дыму и на огнѣ, что-то и въ умъ нейдетъ, что писать, нѣтъ, то ли дѣло въ Германіи,—тепло, хорошо, а здѣсь все биваки. Наши гдѣ-то забрали Наполеоновъ табакъ Рапе, которымъ онъ одинъ торговалъ и мнѣ вчера прислалъ нашъ генералъ.

15 картузовъ, далъ я 4 Густаву, два Брежинскому и одинъ началъ, изрядной, но не лучшей табакъ. У насъ наводятъ мостъ чрезъ Сену и, коли Богъ поможетъ, завтра будемъ на той сторонѣ,—увъ! сколько рѣкъ надо переправиться, чтобы возвратиться намъ въ милую родину. Старуха хозяйка—суша у нашего каминна деревянныя свои башмаки, въ которыхъ здѣсь всѣ они ходятъ и Богъ знаетъ какъ могутъ ходить, смотритъ на эту бумагу и удивляется, что я пишу скоро и похоже на нихъ;—ей! не завидуйте французамъ, право, ничѣмъ не заслуживаютъ ни похвалъ, ни подражанія.

*Д. Шармонъ 26-го января.*

Ночью графъ получилъ диспозицію кн. Шварценберга, по которой слѣдовало въ 2-а часа пополудни атаковать Троя вмѣстѣ съ большею арміею. По утру узнавъ это, пошелъ къ графу и упросилъ его подписать аттестаты Яхонтову и его племяннику о подвигахъ и службѣ. Хотѣли ѣхать до обѣда, однакожь зашли къ Брежинскому. Славно поѣли, между тѣмъ, графъ уѣхалъ, пришлось догонять, день сдѣлался ясный, но пренесноснѣйшій вѣтеръ, которой валилъ съ лошади; не доѣзжая за часъ до Троя, встрѣтили Бота и многихъ нашихъ возвращающихся назадъ съ извѣстіемъ, что Троя занята уже австрійцами, гдѣ будетъ и главная квартира Государя,—возвратясь вмѣстѣ заходили къ графу, завтра, если не перемѣнятъ диспозиціи, пойдемъ въ Арси. Пили чай и пуншъ у Брежинскаго и дотянули послѣднюю бутылку рому, теперь читалъ дома Ромео и Юлію, подчивалъ хозяина и вотъ къ Брежинскому же иду ужинать.

*1. Арси 27-го января.*

Поужинавъ вчера славно у Брежинскаго и допивъ все, что было хмѣльное, легли спать не рано; сегодня отправилъ сюда квартиргеровъ, былъ у графа и закусивъ дома кое-чего, на прощанье съ Брежинскомъ и Яхонтовымъ выпили послѣднія полъ-бутылочки водки и бутылки четыре вина; поѣхалъ верхомъ и отъ дурной погоды 4-е почтовыхъ лье показались долги, заѣзжалъ къ Пышницкому по дорогѣ и сюда доѣхавъ промокъ



такъ, что и рубашку даже долженъ былъ скинуть;—квартирка была изрядная, но дымна безъ милосердія; хозяйка преглупая, но проворная, а хозяинъ грубіянь,—заставилъ,—скинуть съ него шляпу; городокъ небольшой и ничего достать нельзя, насилу у хозяина Шефлера нашелъ 3 бутылки коньяку и жалѣю, что не послалъ казака съ Брежинскимъ въ Троа, гдѣ все достать можно.—Послѣ обѣда былъ у Довре и оттуда пили пуншъ у Шефлера, послѣ дочиталъ Ромео и Юлію; ужинать не дають, объ австрійскомъ движеніи еще ничего неизвѣстно. Получилъ письмо отъ Григорія чрезъ Маялковскаго отъ 30-го ноября.—Отъ холоду у меня и писать не хочется, а читать нечего, теперь же еще только 9-ть часовъ вечера, Шефлеръ пошелъ уже домой и я лягу; Государя сегодня ожидаютъ въ Троа.

1. *Мери 28-ю января.*

Спавъ дурно, утромъ вмѣсто ожидаемой дневки получили повелѣніе идти сюда, закусивъ свою курицу изъ коляски пустились въ путь; но негодная хозяйка, недовольствуясь добротой нашею, что мы и отъ нее не требовали ничего поѣсть, вздумала потребовать отъ насъ еще платы за труды и двухъ жареныхъ голубей.—Верхомъ доѣхали сюда довольно скоро 4<sup>1/2</sup> лье почтовыхъ и не думали подѣхавъ сюда, что это Мери; онъ стоитъ на Сенѣ, городъ маленькой и негодной, въ пріѣздъ нашъ проходилъ авангардъ нашъ впередъ къ Ножану; квартира у меня преподаля по ужасной лѣстницѣ, у графа узналъ, что получено свѣдѣніе, будто бы Наполеонъ со всѣми своими силами повернулъ на Блюхера, котораго авангардъ уже около Мо, не знаю куда насъ повертять и должно бы скорѣе захватить Парижъ;—ходили на рѣку Сену, которая такъ мала и въ прибавокъ такъ мутна, что я не приберу и сравненія съ какою-нибудь маленькою рѣчкой въ Россіи, мостъ былъ испорченъ, но уже поправленъ.—Обѣдалъ у Мерлина и славно; вечеромъ просидѣлъ часа 4-е у графа и хотѣлъ посчитаться кое о чемъ съ Кикинымъ, но никакъ не могъ удѣлить возможности, завтра постараюсь;—графъ Гохбергъ привезъ мнѣ письмо отъ генерала Гарранта, въ которомъ онъ его рекомендуетъ, но моихъ писемъ вѣрно не получилъ. Здѣсь хозяинъ старикъ 70-ти лѣтъ всклепалъ на Шефлера, что онъ эмигрантъ, родомъ изъ Троа и что его фамилія Бодо; думая пользоваться этимъ, онъ согласился на эмигрантство; но ихъ очень дурно покормили, да и то при свѣчахъ; возвратясь теперь отъ графа послѣ чаю, нашелъ моихъ за пуншемъ и хозяина въ

треугольной его шляпѣ уже на третьемъ взводѣ, старикъ болталъ, пока языкъ ворочался и только-что сейчасъ ретировался внизъ.

*1. Мери 29-ю января.*

Утромъ сегодня былъ у графа, писалъ къ Барклаю о перемирияхъ по Лейпцигскому дѣлу и о Дрезденскомъ представленіи, послѣ писалъ приказъ объ утвержденіи Бауценскаго представленія и окончилъ къ обѣду, который былъ очень плохой, посѣтителей любопытныхъ о наградахъ было сегодня весь день безъ конца; послѣ обѣда написалъ преогромное письмо домой на двухъ полулистахъ кругомъ, сестрѣ тоже большое, Ивану Сергѣевичу Маслову, и отвѣчалъ на полученные сегодня же письма отъ Григорія о полученіи денегъ, посланныхъ съ Гагинымъ и графомъ Толстымъ, и Добровольскому, который поздравлялъ съ утвержденіемъ пансіона, а вечеромъ чрезъ Кондрата, Алексѣя Николаевича, получилъ отъ Яхонтова письмо съ конвертомъ Барклая къ графу о утвержденіи этого же представленія, все хорошо, но бѣдной Акличеевъ опять вымаранъ, а другимъ перемириемъ:—жаль, да какъ быть, царь милосердъ и справедливъ.— Въ письмѣ къ сестрѣ вложилъ 25 для раздачи людямъ по 5, но сегодня къ Д. Добровольскому отправить не успѣлъ, надо ожидать другого курьера, да спасибо у насъ каждый день курьеры.—Вечеромъ опять куча посѣтителей и какъ ни хотѣлось написать къ Ивану Матвѣевичу Бегичеву, но никакъ не могъ писать, равъ потому, что мѣшали мнѣ работать, а второе потому, что г-нъ мой Яша усталъ сильно записывать мои письма, получилъ также письмо отъ Тишина, отвѣчать некогда уже до первой дневки, слава Богу, что сегодня продневили и удалось написать домой; завтра мы идемъ къ Ножанъ и назначенъ переходъ до Понъ-сюръ-Сейнъ, однакожь теперь еще непріятель былъ тамъ и сегодня перестрѣвливались; я радъ очень, что обоимъ Денисьевскимъ дали чины.—Говорили также, слышна была сильная канонада вправо, это должно быть у Блюхера, на котораго Бонапарте бросился, дай Богъ, чтобы онъ съ нимъ посправился.—Хозяева и здѣсь негодные, да спасибо Шефлеръ такого задалъ имъ страху, что теперь не знаютъ, какъ вертятся, а ужинъ все-таки дрянъ;—быть такъ, ложимся спать.

*Замокъ Понъ на Сейнъ. Января 30-ю дня.*

Вотъ мы теперь въ Марисѣ нашемъ достигли и до жилища матери Наполеоновой; но по порядку, утромъ написавъ приказъ



о наградахъ, былъ у графа и тутъ же получили увѣдомленіе Блюхера, что непріятель весь на него обратился и потѣснилъ авангаръ генерала Олсуфьева; но однакожъ онъ уже концентрировался съ Йоркомъ и Клейстомъ, и хотѣлъ сегодня самъ атаковать, между тѣмъ просилъ насъ форсировать Ножанъ и потому мы пустились въ маршъ; закусивъ немножко сельдей, яичницы и выпивъ во славу полученнаго пансіона бутылку стараго, раштатскаго шампанскаго, ѣхали верхомъ.—Весь сегодняшней день противу всѣхъ прежнихъ былъ удивительный, погода чрезвычайная, и солнце такъ грѣло, что должно было разстегнуть совсѣмъ мундиръ. Авангардъ съ Паленомъ весь день дрался у Ножана и уже на вечеръ только успѣли занять половину до мосту; но за то 25-й Егерскій полкъ сильно пострадалъ и командиръ онаго полковникъ Ветошкинъ, славной, храброй офицеръ убитъ; жаль, очень жаль: оставилъ семейство и жену. Замокъ этотъ, какъ видно, старинной дворянской—вовсе невеликъ; но однакожъ довольно изряденъ, но теперь совершенно брошенъ, не имѣя ни души жителей, даже и въ мѣстечкѣ, которое тутъ же за садомъ, тоже жителей нѣтъ; здѣсь всегда жила Марія Летиція—мать Наполеонова, но въ замкѣ великолѣпія вовсе не видно, да и не было, мы желали бы гораздо лучше стоять въ простой крестьянской избѣ у хозяевъ, гдѣ можно бы что-нибудь сыскать поѣсть; а здѣсь ни куска хлѣба и ничего; моя квартира въ нижнемъ этажѣ недалеко отъ домовой церкви № 1 и 2, двѣ маленькія комнатки, въ которыхъ ничего нѣтъ; обѣдалъ сегодня у графа и благодаря Бога кое-какъ хорошо, и выпили тоже шампанскаго бутылку, онъ хотѣлъ было сегодня же переѣхать въ Ножанъ, но еще былъ не занятъ и уже поздно; Довре нашъ 37-ть лѣтъ тому назадъ былъ здѣсь и теперь нашелъ все въ прежнемъ положеніи, надо было слушать старика, какъ это его утѣшаетъ, онъ обходилъ кругомъ и все осматрѣлъ; въ замкѣ все перебито и переломано, осталось немного фарфоровыхъ тарелокъ очень обыкновенныхъ и больше ничего, видно, что госпожа матушка Бонапартова все поприбрала съ собою.—Теперь только мы пили чай у меня съ Тесловымъ, новымъ Георгіевскимъ кавалеромъ и другими и не думая объ ужинѣ, надо ложиться спать.

*Замокъ Понъ на Сейнъ. 31-го января.*

Послѣ 11-го октября, до сегодняшняго дня мы не были въ сраженіи, по утру съ графомъ поѣхали къ Ножану, городъ былъ до половины занятъ, и въ то время какъ графъ говорилъ

съ Паленомъ въ форштатѣ, пуль десятка полтора пролетѣло чрезъ головы и одна даже сбила шапку у принца Виртембергскаго; но слава Богу милосердному, все мимо,—холка у бѣдной моей кобылки еще не совсѣмъ зажила, однакожъ для дѣла ѣздилъ на ней, оттуда объѣхали городъ почти кругомъ и нашли Вреде, которой долженъ переправиться слѣва,—долго съ нимъ постояли и у насъ пулями ранили двухъ ординарцевъ Клейна и Франсуа; между тѣмъ здѣсь въ городкѣ навели мостъ и два полка 3-й дивизіи переправились, а за ними и Ридигеръ съ своимъ и Ребрикова казачьимъ полкомъ; возвращаясь оттуда на дорогѣ заѣзжали въ домикъ, гдѣ лежалъ убитый вчера полковникъ Ветошкинъ и еще одинъ офицеръ его же полка; отдавъ послѣдній долгъ покойному, возвратились къ обѣду сюда, пріѣзжалъ генералъ Лисаневичъ, обѣдалъ у меня и послѣ былъ у графа, ему бѣдному дали благоволеніе за Лейпцигъ, когда онъ по правдѣ заслужилъ болѣе. За столомъ, который очень былъ солдатской и состоялъ изъ картофельнаго супу и жареной курицы; послѣ присланнаго отъ добрыхъ людей ординарнаго винца, выпили бутылочку шампанскаго, еще и послѣ гуляли съ графомъ по саду, а тамъ писалъ къ Мезенцову и Властову поздравленія и пришедши отъ графа, которой спорилъ съ принцемъ Виртембергскимъ о намѣреніяхъ Наполеона, пили чай и пуншъ дома съ генераломъ Лисаневичемъ, которой только что сейчасъ уѣхалъ, добрый старикъ.—Да чуть не забылъ было, что сегодня же утромъ получили прокламацію отъ имени Людовика XVIII къ французскому народу; графъ призвалъ къ себѣ всѣхъ жителей, которыхъ собрать могли здѣсь, и надо было видѣть, какъ тронула она ихъ,—читавшій раза четыре останавливался отъ слезъ, и всѣ рыдали, даже и мы не могли смотрѣть на нихъ равнодушно, и я признаюсь, слезы сверкали и у меня въ глазахъ;—Шефлеръ очень удачно сказалъ, что глаза останутся навсегда зеркаломъ души и чувствій, теперь г-нъ Наполеонъ уже въ чистой отставкѣ, и Франція имѣетъ короля, это должно возбудить весь народъ, отклонить отъ него войска и ему ничего не остается болѣе, какъ разбойничать, пока найдетъ конецъ всему;—праведенъ Богъ всемогущій и вотъ достойная месть злодѣю, не могшему довольствоваться невѣроятнымъ счастьемъ и хотѣвшему поработить весь свѣтъ.—Но скоро ли будетъ настоящій конецъ—Богъ вѣсть. Видѣлся съ генераломъ Каменевымъ и другими.

Сообщ. Б. В. Каховскій.

*(Продолженіе слѣдуетъ).*